

Французский материализм и просветительство в восприятии российской интеллектуальной элиты рубежа XVIII–XIX вв.

© А.А. Маслова, Д.В. Смирнов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Исследован процесс восприятия материалистических идей французского Просвещения в эпоху становления раннего российского либерализма. Показаны специфические черты рецепции и популяризации материалистического мировоззрения, в частности, идей П.-А.Т. Гольбаха, представленные в издательской деятельности Ивана Петровича Пнина — одного из наиболее ярких представителей русской общественной мысли рубежа XVIII–XIX вв. Деятельность И.П. Пнина рассмотрена прежде всего на материале издаваемого им «Санкт-Петербургского журнала» (1798), ставшего вестником передовых идей того времени, на страницах которого были опубликованы переводы главных трудов Гольбаха. Однако не менее ярким и показательным явлением в истории русской общественной мысли того времени стало собственное поэтическое творчество И.П. Пнина, которое также представляет немалый интерес. Подчеркнуто созвучие взглядов И.П. Пнина реформаторским проектам интеллектуальной элиты, нашедшим отражение в законодательных актах императора Александра I начала XIX столетия.

Ключевые слова: материализм эпохи Просвещения, П.-А.Т. Гольбах, И.П. Пнин, император Александр I, «Санкт-Петербургский журнал», просветительство

В России период второй половины XVIII — первой четверти XIX в. считается временем зарождения нового типа мышления, значимой вехой на пути гражданского раскрепощения общества [1, с. 527]. У истоков этого явления — рецепция передовых идей, родившихся в лоне европейской интеллектуальной традиции. Особое место среди них, безусловно, занимает философия французского материализма эпохи Просвещения — наиболее последовательная на тот исторический момент система материалистических воззрений.

Цель статьи — проанализировать влияние материалистических взглядов французского Просвещения на формирование мировоззренческих установок российской интеллектуальной элиты рубежа XVIII–XIX вв. Выявление культурно-исторических особенностей освоения западного интеллектуального опыта, прояснение логики его влияния на способ миропонимания идеологов русской общественно-политической мысли данного периода позволяет глубже осмыслить специфику и историческую природу раннего российского либерализма и объяснить реформаторские намерения правительства императора Александра I.

Среди исторических личностей, с чьей деятельностью связано становление раннего российского либерализма, — просветитель, поэт, публицист Иван Петрович Пнин (1773–1805). Его короткий жизненный путь — немногим более тридцати лет — пролегал на изломах российской истории, связанных со сменой эпох. Екатерининский «золотой век дворянства» с его реверансами в сторону французского Просвещения и гонениями на русских просветителей в конце ее правления, весьма неоднозначное и драматичное царствование Павла I, бурные реформаторские инициативы молодого императора Александра — вся эта смена эпохальных идейно-политических ориентиров, доминант и декораций неизбежно формировала особый тип мыслителя, предопределив уникальные черты его интеллектуальной биографии. Рассмотрение журналистской и литературной деятельности И.П. Пнина имеет острую актуальность в контексте анализа идейной основы реформаторских начинаний первых лет царствования императора Александра I.

Отечественная историческая наука содержит полярные оценки как самого реформаторского курса, так и мотивации Александра I. Согласно концепции «заигрывания с либерализмом», император был сторонником сохранения самодержавия, поэтому все проекты реформ являлись профанацией и изначально были обречены на провал. Представители другого направления в историографии отстаивают идею о том, что император являлся искренним сторонником конституционных идей, а сами эти воззрения были закономерным явлением, вытекавшим из всего исторического развития России XVIII в., в связи с чем Александр Павлович начал планомерное движение по реализации своих замыслов еще до вступления на престол [2, с. 241; 3, с. 187–191; 4, с. 75].

В исторической науке установилось мнение, что частью плана великого князя Александра и его молодых друзей по распространению просвещения в России являлся «Санкт-Петербургский журнал» (1798) [5, с. 147; 6, с. 18, 19; 7, с. 49–54]. Фигура и деятельность И.П. Пнина знаменательны тем, что он был редактором и издателем данного журнала, печатал в нем переводы из запрещенных в этот период в России произведений французских философов-энциклопедистов при поддержке и на средства наследника престола. Намерение цесаревича Александра подтверждается его письмом к Ф.-Ц. Лагарпу от 27 сентября 1797 г.: «Всего нас только четверо, а именно: Новосильцев, гр. Строганов, молодой князь Чарторыйский и я. Мы намереваемся в течение настоящего царствования поручить перевести на русский язык столько полезных книг, как это только окажется возможным, но выходить в печати будут только те из них, печатание которых окажется возможным, а остальные мы прибережем для будущего; таким образом, по мере возможности, положим начало распространению знания и просвещению умов» [8, с. 163, 164].

Содержательный облик «Санкт-Петербургского журнала», по мнению российских исследователей [9, с. 97], делал его самым ярким после «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева проявлением философского и социально-политического радикализма в русской печати конца XVIII в. Данный журнал представлял собой ежемесячное издание и просуществовал один год. Его комплект составляет 12 номеров, разделенных на четыре части. Фабулу журнала определяли оригинальные сочинения его издателя (напечатанные без подписи), переводы произведений европейских мыслителей на философские, экономические и социально-политические темы. Во всех четырех частях помещены труды виднейшего представителя французского материализма XVIII в. Поля-Анри Тири Гольбаха (1723–1789). Главы из «Системы природы» и «Всеобщей морали» Гольбаха содержатся почти в каждом номере, за исключением января, апреля, мая и сентября, без указания имени автора или упоминания, что публикуется перевод иностранного произведения. В.Н. Орлов предположил, что это сделано из цензурных соображений, так как Гольбах «властью оценивался отрицательно» [10, с. 295]. Пнин как издатель сам отбирал материал, а возможно, также редактировал перевод, формируя выпуски журнала. По словам советского исследователя И.К. Луппола, в XVIII в. «редактор и издатель срачивался с своим изданием, поэтому мы имеем дело не с простой публикацией случайного материала, а с текстом, который был конгениален самому издателю-редактору» [10, с. 13]. Можно предположить, что поскольку издание журнала являлось предприятием наследника престола и его молодых друзей, то и содержание выпусков было ими санкционировано, а значит, освещаемые теории были им близки.

Французский материализм XVIII в. — уникальное явление в истории философской мысли. Уникальность его состоит прежде всего в доктринальной последовательности. Здесь и систематическая ориентация на достижения научного познания, и бескомпромиссный антиклерикализм, и приверженность атеистическим воззрениям, и непоколебимая вера в безграничные возможности человеческого Разума и скорое разумное переустройство социальной действительности. Особое место среди французских материалистов, безусловно, принадлежит Гольбаху — именно он сумел материалистически осмыслить открытия в механике, определил их значение в отношении философского обоснования начал мышления и бытия и превратил механицизм во всеобщий универсальный метод изучения природы и общества [11, с. 137]. Основное произведение Гольбаха «Система природы, или О законах мира физического и духовного» (1770) представляет собой труд, обобщивший философские, социально-политические, социологические аспекты материалистической концепции. В этом сочинении Гольбах приводил многочисленные доводы против «религиозного заблуждения», которое

является, по его мнению, причиной невежества и основанием для забалования народа [12, с. 98–101]. Основу этих доводов Гольбаха составило последовательное материалистическое истолкование механики И. Ньютона. В предисловии к своей книге Гольбах, пытаясь «раскрыть людям истину», писал, что «именно заблуждению мы обязаны тяжелыми цепями, которые повсюду куют народам тираны и жрецы» [12, с. 56, 57], поэтому цель его сочинения — вернуть человеку силу разума, показать его природу и законные права. Именно Гольбах создал «первую, понятную абсолютно всем, общедоступную картину движения материальных частиц... — считает исследовательница Т.Б. Длугач. — Так, разработанные еще Декартом представления о способности механических частиц, из которых состоит вся вселенная, к самостоятельным движениям переносились Гольбахом на человеческое общество и позволяли представить жизнь людей в виде действий самостоятельных и автономных индивидов» [11, с. 136, 137]. Неудивительно, что в России сочинения Гольбаха вошли в список запрещенных для опубликования книг как «разрушающие основные начала веры, политики и нравственности». Даже избрание Гольбаха почетным иностранным членом Петербургской академии наук не снимало с его трудов цензурного запрета. Тем не менее, его труды все же были напечатаны. И именно Пнин стал первым переводчиком произведений Гольбаха.

Важно то, что Пнин сумел тонко уловить, какие идеи готов воспринять российский читатель, и нашел соответствие ожиданиям интеллектуалов в материалистической концепции Гольбаха. Благодаря переосмыслению Пниным произведений французского философа, его идеи на страницах журнала преподносились в адаптированном под российский менталитет виде. Прежде всего тексты Гольбаха в переводах издателя «Санкт-Петербургского журнала» подлежали смягчению по сравнению с оригиналом. Так, радикальный атеизм — прямой эквивалент последовательно материалистической позиции Гольбаха — был существенно сглажен. Не в последнюю очередь это делалось для усыпления бдительности цензуры.

В публикации первой главы из «Системы природы» утверждается, что природа — «великая всецелость, происходящая от собрания всех бытий, составляющих вселенную», человек при этом — «превосходнейшее дело рук творца природы» [10, с. 199]. Поэтому в своих исследованиях он должен употреблять «большей частью в помощь физику и опыты», поскольку природа действует по законам, которые познаваемы через опыт, а оставив опыт, человек впадает в пустоту и заблуждается [10, с. 200, 201]. Таким образом, Пнин выделил пассажи Гольбаха, концентрирующие внимание читателя на естественном происхождении человека и его принадлежности к природе, предостерегая от религиозных

заблуждений. Однако текст перевода содержит — пусть в ослабленном, деистическом виде — религиозные коннотации. «...Перестанем верить испорченному воображению; возьмем в путеводители опыт; начнем советоваться с природою; станем спрашиваться разума, и тогда рассмотрение непременно доведет нас до познания невидимого творца видимого мира» [10, с. 202]. В следующем номере Пнин поместил перевод главы «О движении и начале оного», где указано, что природа есть «неизмеримая цепь причин и действий, кои беспрестанно происходят одни от других» [10, с. 207]; природные явления и процессы в восприятии их человеком рассматриваются с точки зрения концепции детерминизма. «Глас неба», заключительная глава «Системы природы», размещенная Пниным в июльской части «Санкт-Петербургского журнала», содержит наставление человеку жить по законам природы, трудиться «для своего блаженства», жить добродетельно и «быть гражданином», поскольку «отечество нужно для безопасности и обеспечения благосостояния», а «добродетель никогда не была лишена награждений, ею заслуживаемых» [10, с. 208–210, 212]. Статьи Гольбаха из «Всеобщей морали» — «Невоздержание», «О праздности», «О нравоучении, должностях и обязанностях нравственных», «О человечестве», «О удовольствии и печали; о благополучии», «О совести» и «Благодеяние», размещенные в разных частях журнала, мотивируют человека к просвещению и воспитанию. Лишь они способны дать представления о самом себе, об обществе, о законах природы и правосудии, просветить читателя на предмет его обязанностей по отношению к другим членам общества, убедить быть добродетельным и трудолюбивым исходя из природы человека.

Гольбах утверждал, что материя существовала всегда, и не стоит искать вне природы другую силу, «которая будто бы привела ее в движение» [12, с. 78–80]. В интерпретации Пнина человек — дело рук творца природы, а в оригинале человек, по Гольбаху, — «произведение природы, он подчинен ее законам, от которых он не может освободиться» [12, с. 59, 123]. Поскольку человек, как и всякое живое существо, тяготеет к самосохранению, его цель — личное благо, он должен стремиться сделать себя счастливым [12, с. 67, 116, 313]. При этом опыт показывает, что люди, в обществе которых он находится, необходимы ему, так как способствуют его счастью и помогают своими способностями [12, с. 165]. Таким образом, по рассуждению Гольбаха, человек мотивирован к совершению нравственных поступков по отношению к другим членам общества для того, чтобы те способствовали достижению его целей и обретению счастья [12, с. 167]. Гольбах, борясь «против “религиозной морали”», — писал Г.В. Плеханов, — старался доказать, что и без помощи неба люди в состоянии были бы знать, что такое “добродетель”» [13, с. 49]. От незнания собственной природы, своих

потребностей и прав человек, живя в обществе, утратил свободу и стал рабом, «счел необходимым пожертвовать своим благополучием прихотям своих вождей» [12, с. 63]. Гольбах был убежден, что явления, причины которых неизвестны людям, их поражают. Как аргумент он приводил различное восприятие действия пороха европейцем и индейцем: «Работающий над изготовлением пороха европеец не усматривает в нем ничего чудесного, индеец же некогда видел в его способе действия результат божественного могущества, а его силу считал сверхъестественной» [12, с. 92]. Гольбах критиковал догматы религии, внушающие человеку страх, который подавляет личность и предопределяет поведенческие черты человека [12, с. 88]. Впрочем, воспитание и правосудие призваны восстановить знание человека о себе, своей природе, об обществе, а правительство — направить человеческие страсти в нужное русло, т. е. к достижению всеобщего блага [12, с. 178]. Можно заключить, что Гольбах последовательно представил все аспекты социально-политической жизни сквозь призму материализма. Необходимо отметить, что метафизический материализм, представителем которого был Гольбах, являл собой важный этап в становлении общественно-политической мысли и атеистической морали.

Все эти мысли составили идейную основу собственного, и прежде всего поэтического, творчества Ивана Петровича Пнина, в котором он полноценно выразил свою приверженность материалистической философии. Если в переводах сочинений Гольбаха Пнин вынужден был сглаживать явные антирелигиозные акценты, то в поэтических сочинениях он проявлял свои взгляды более свободно. Образная речь становится удобным инструментом для проведения материалистического мировоззрения. В сентябрьском номере «Санкт-Петербургского журнала» Пнин отвечал на вопрос «Что есть Бог?»:

Сего нам Существа определить неможно!
Но будем почитать Его в молчаньи мы:
Проникнуть таинство бессильны всех умы,
И чтоб сказать — что Он? —
самим быть богом должно [10, с. 99].

Материалистические воззрения Пнина стали основой понимания им социально-политических процессов в обществе. Кроме того, этот взгляд лежит в основе его обоснования построения системы законодательства исходя из человеческой природы, которая сама по себе мотивирует к добродетели. Уже в царствование Александра I Пнин был назначен в 1801 г. письмоводителем в экспедицию Непременного совета, а в 1803 г. — в Департамент Министерства народного просвещения. Откликаясь на первые преобразования императора, он изложил свое видение реформ как процесса и результата в труде «Опыт о просвещении относительно к России» (1804). Это произведение примечательно

позицией автора по крестьянскому вопросу. Пнин отстаивал необходимость правового равенства граждан, освобождения крестьян до их просвещения, а также закрепление прав собственности и гарантии защиты личности. Такой взгляд, с одной стороны, являлся наиболее радикальным из всего спектра позиций в начале XIX в., а с другой — совпадал с намерениями и уже реализованными мерами самого Александра I. Освобождение и законодательное закрепление прав собственности крестьянства отстаивались автором «Опыта» как первый и неотъемлемый шаг на пути к просвещению. Собственность в представлении Пнина являлась основанием общественного здания и правосудия, а вопрос о крестьянской собственности рассматривался в контексте преобразований, осуществляемых правительством Александра I, не отодвигая его решение на далекую историческую перспективу. «Там, где нет собственности, — писал Пнин, — никто не может безопасно наслаждаться плодами своих трудов». Не сомневаясь в том, что Александр I «конечно найдет способы и к искоренению злоупотреблений власти помещиков над их крестьянами и к утверждению и охранению собственности сих последних», Пнин определил цель законодателя в том, «чтобы предписать законы, могущие определить собственность земледельческого состояния, могущие защитить оную от насилий, словом: сделать оную неприкосновенною» [10, с. 132–134]. Последняя цитата заслуживает пристального внимания, особенно в связи с тем, что после ознакомления с трудом Пнина Александр I повелел переиздать его за счет казны после расширения автором раздела о крестьянской собственности [14, л. 5–8; 15, с. 97–105]. Данный факт является очередным совпадением взглядов императора и автора «Опыта». Интересно также, что Пнин обращался напрямую к помещикам: «Владельцы! справедливо ли предавать труды, попечения, судьбу крестьян ужасной неизвестности, повсеминутному страху лишения своих приобретений?» [10, с. 139]. «Я желал бы, — продолжал Пнин, — *соображаясь с настоящими обстоятельствами*, чтобы господские крестьяне имели хотя [бы] движимую собственность на таком основании, дабы, платя помещикам на них положенное, могли они уже совершенно по своей воле, без страха, *располагать ею* и были уверены, что уже никто у них оной *отъять не может*» (курсив авт. — А.М., Д.С.) [10, с. 140]. Под «данными обстоятельствами» Пнин, очевидно, подразумевал, с одной стороны, уже реализованные правительственные предприятия по изменению положения крестьянства [16–19]. А с другой стороны, видя не столь масштабные успехи, в частности, указа «О вольных хлебопашцах» и отсутствие массового энтузиазма в дворянской среде расставаться со своей классовой привилегией, Пнин потому только и желал «хотя бы движимым» имуществом наделить крестьян. «Сия собственность, — писал он далее, — не только должна быть наследственна и неприкосновенна, но

помещик не должен нисколько притеснять крестьян своих в тех приобретениях, которые они вновь сделать пожелают» [10, с. 140]. Эта мера означала бы для крестьян перспективу сбережения и приумножения собственности. Пнин перечислял, в чем она должна заключаться: «Скот, птицы, изделия, ремесленные произведения, орудия для различных работ, ими употребляемых и другие хозяйственные вещи; также принадлежать сюда должны хороменные, гуменные и прочие строения, имения, то средства к приобретению оного означены в высочайшем манифесте от марта 5-го 1803 года» [10, с. 140]. Здесь, очевидно, подразумевается указ «О вольных хлебопашцах». В перечне имущества, указанного Пниным, отсутствует лишь земельный надел. Но главное — неприкосновенность, законодательное закрепление которой он требовал, призвана была стать гарантом защищенности. «Нужно непременно дать крестьянам возможность к сбережению сей своей собственности, и сия возможность есть то право, посредством которого крестьянин не только в случае насилия, делаемого ему его господином в его имении, может прибегнуть к законам и требовать их защиты, но которое простираться должно и на все то, чего требуют от них помещики противно законам, и также на все бесчеловечные поступки, которые они от некоторых несправедливым образом претерпевают» [10, с. 140]. Будучи введенным, этот закон не оставлял бы возможности маневра для помещика. Таким образом, Пнин рассматривал законодательное закрепление права крепостных крестьян владеть движимой собственностью как наиболее реальный шаг на пути к изменению их правового статуса. Вслед за этим предполагался второй этап — предоставление права владеть недвижимым имуществом, т. е. землей.

Рассуждая о государственном равновесии в стране, Пнин считал, что Россия, «будучи по свойству своего правления монархическою державою, по сей причине имеет тем большую надобность в неравенстве состояний, поскольку оно служит твердейшую для нее подпорою» [10, с. 128]. Находим подобное положение и у Гольбаха, которому Пнин близок по духу: «Общество, как и природа, устанавливает необходимое и законное неравенство между своими членами. Это неравенство справедливо, поскольку оно необходимо для достижения неизменной цели общества — поддержания его существования, поддержания его счастья» [20, с. 124]. Исходя из данной аксиомы, главную задачу просвещения Пнин определяет как предоставление «каждому члену общества необходимых знаний, чтобы достойно исполнять должности, для которых он призван в общество» [10, с. 148]. Но поскольку «общество составляют различные классы граждан, чьи занимаемые должности не могут быть одинаковы» [10, с. 148], то из этого следует, что каждый человек должен получать образование, соответствующее состоянию, в котором он находится, ремеслу, которым он занимается, и роду

жизни, который он ведет. Аналогичную аргументацию встречаем у Гольбаха: «Польза, приносимая государству подданными, создает между ними неравенство; неравенство это компенсируется тем, что все они в равной мере нуждаются в помощи друг друга» [12, с. 234]. По мнению Гольбаха, участие каждого гражданина в принесении пользы Отечеству компенсирует существующее неравенство, порождая также взаимное уважение всех состояний и их необходимость друг в друге. «В хорошо организованном обществе, — писал Гольбах, — ни один человек не является объектом презрения, если только он действительно полезен; всякий гражданин дорог обществу, если он выполняет функции, соответствующие его общественному положению» [12, с. 234]. Так, образовательная программа Пнина была продиктована его приверженностью просвещенческим воззрениям и базировалась на признании факта сословного разделения общества как данности. По высказыванию Г.В. Плеханова, «для Гольбаха “равенство” не могло заключать в себе ничего соблазнительного. Напротив, оно представлялось ему очень вредной химерой» [13, с. 60]. Таким образом, для «гольбахианца» Пнина разрешение проблемы просвещения по либеральным критериям равенства прав всех сословий при существовании крепостничества в условиях исторически сложившегося глубокого их размежевания (социально-правового, культурно-нравственного и т. д.) являлось невозможным.

Процветание своей страны Пнин представлял, в известной мере сближаясь с позицией географического детерминизма: «Россия по местному положению своему требует преимущественного внимания и поощрения относительно к земледелию, от успехов коего зависит цветущее состояние сея державы» [10, с. 142]. Он отмечал, что уже Екатерина II «не могла не чувствовать нужды в исправлении сего злоупотребления», ссылаясь на ее мнение из «Наказа», в котором императрица констатирует, что «земледелие не может процветать там, где никто не имеет ничего собственного». Комментируя ее высказывание, Пнин добавлял: «...там, где нет собственности, никто не может безопасно наслаждаться плодами своих трудов» [10, с. 142]. Аналогичную мысль находим у Гольбаха: «Только у свободной нации есть способствующие ее экономическому процветанию уверенность в безопасности и свобода передвижения, смелость и энергия в труде. Не испытывая беспокойства за свою собственность, гражданин горячо отдается работе и хорошо возделывает ниву, которую несправедливость не может отнять у него» [20, с. 352]. Отсюда главное требование Пнина — призыв к дарованию прав собственности крепостным крестьянам как необходимое условие для экономического процветания и их образования. Столь прогрессивный для рубежа XVIII–XIX вв. взгляд Пнина на крестьянский вопрос — одна из причин постигшего второе издание «Опыта о просвещении...»

цензурного запрета. Данный прецедент стал воплощением торжества традиционности мировоззрения бюрократии и реакционного отторжения преобразовательных начинаний Александра I [21, с. 35].

Подчеркнем, что материализм пронизывает все творчество Пнина с первой публицистической работы в «Санкт-Петербургском журнале» и в полной мере раскрывается в «Опыте о просвещении относительно к России», поскольку даже в образовании Пнин исходил из экономических потребностей населения современной ему страны. Пнин и в бытность Александра I великим князем, и в годы его царствования являлся помощником императора в его реформаторских начинаниях, сотрудничая с властью, а не противодействуя ей. «Санкт-Петербургский журнал» сам по себе был ярчайшим явлением журналистики конца XVIII столетия как по своему идейному содержанию, так и в качестве прецедента поддержки неофициального издания лицами, окружавшими великого князя Александра Павловича. Безусловная заслуга Пнина — его участие в формировании у читателя интереса к насущным проблемам современности и критического их осмысления, а также в популяризации идей материализма в условиях нарастающей павловской цензуры. Деятельность Ивана Пнина представляет тем больший интерес, что его воззрения и законодворческие инициативы, судя по реакции Александра I, звучат в унисон с нравственными побуждениями императора и наталкиваются на то же сопротивление, что и реформаторские начинания Александра Павловича.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Шелохаев В.В., ред. *Российский либерализм середины XVIII — начала XX века*. Москва, РОССПЭН, 2010, 1084 с.
- [2] Пыпин А.Н. *Общественное движение в России при Александре I*. Санкт-Петербург, Академический проект, 2001, 556 с.
- [3] Тимофеев Д.В. *Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века*. Челябинск, ПИРС, 2006, 200 с.
- [4] Захаров В.Ю. *Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII — первой четверти XIX в.: опыт сравнительно-исторического анализа*. В 2 ч. Ч. 2. Москва, Прометей, 2017, 646 с.
- [5] Греч Н.И. *Записки о моей жизни*. Москва, Захаров, 2002, 464 с.
- [6] Троцкий И.М. *Семья Бестужевых (Опыт идеологической характеристики)*. Воспоминания Бестужевых. Москва, Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931, с. 7–38.
- [7] Сафонов М.М. *Проблема реформ в правительственной политике на рубеже XVIII и XIX веков*. Ленинград, Наука, 1988, 249 с.
- [8] Шильдер Н.К. *Император Александр I: Его жизнь и царствование*. В 4 т. Т. 1. Санкт-Петербург, Издательство А.С. Суворина, 1904, 436 с.
- [9] Орлов В.Н. *Русские просветители 1790–1800-х годов*. Москва, Госполитиздат, 1950, 477 с.

- [10] Пнин И.П. *Сочинения*. Москва, Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934, 312 с.
- [11] Длугач Т.Б. Здравый смысл как философская идея французских просветителей. *Философские науки*, 2015, № 9, с. 127–140.
- [12] Гольбах П.-А.Т. *Избранные произведения. В 2 т. Т. 1*. Москва, Издательство социально-экономической литературы, 1963, 715 с.
- [13] Плеханов Г.В. *Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2*. Москва, Госполитиздат, 1956, 824 с.
- [14] Прошение [И.П. Пнина] в Главное училищ Правление. Б. д. *Российский государственный исторический архив*, ф. 733 (Департамент народного просвещения), оп. 118, д. 50, 8 л.
- [15] Иванова А.А. Категория «движимой собственности» крепостных крестьян в социальной программе И.П. Пнина. *Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки*, 2018, № 2, с. 97–105.
- [16] О непринимании для печатания в ведомостях объявлений о продаже людей без земли, 28 мая 1801 г. *Полное собрание законов Российской империи [Собрание I]. В XLV т. Т. XXVI*. Санкт-Петербург, Типография II Отделения СЕИВК, 1830, № 19892, с. 662.
- [17] Высочайше утвержденное Положение для поселян Лифляндской Губернии и Инструкции Ревизионным Комиссиям для определения их повинностей, 20 февраля 1804 г. *Полное собрание законов Российской империи [Собрание I]. В XLV т. Т. XXVIII*. Санкт-Петербург, Типография II Отделения СЕИВК, 1830, № 21162, с. 100–137.
- [18] О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли, 12 декабря 1801 г. *Полное собрание законов Российской империи [Собрание I]. В XLV т. Т. XXVI*. Санкт-Петербург, Типография II Отделения СЕИВК, 1830, № 20075, с. 862–863.
- [19] Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных, 20 февраля 1803 г. *Полное собрание законов Российской империи [Собрание I]. В XLV т. Т. XXVII*. Санкт-Петербург, Типография II Отделения СЕИВК, 1830, № 20620, с. 462–463.
- [20] Гольбах П.-А.Т. *Избранные произведения. В 2 т. Т. 2*. Москва, Издательство социально-экономической литературы, 1963, 563 с.
- [21] Иванова А.А. «Опыт о просвещении относительно к России» И.П. Пнина в эпицентре столкновений власти и общества на заре XIX столетия. *ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы*, 2019, № 3, с. 28–37.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Маслова А.А., Смирнов Д.В. Французский материализм и просветительство в восприятии российской интеллектуальной элиты рубежа XVIII–XIX вв. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 2.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-2-894>

Маслова Анна Александровна — канд. ист. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: maslova_aa@bmstu.ru

Смирнов Дмитрий Владимирович — канд. филос. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: dsmirnov@bmstu.ru

**French materialism and enlightenment in perception
by the Russian intellectual elite
at the turn of the XVIII–XIX centuries**

© A.A. Maslova, D.V. Smirnov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper examines perception of the French Enlightenment materialistic ideas in the formation era of the early Russian liberalism. It shows specific features of reception and popularization of the materialistic worldview, in particular, the ideas of Paul-Henri Thiry, baron d'Holbach, presented in publications of Ivan Petrovich Pnin, one of the most prominent representatives of the Russian social thought at the turn of the XVIII–XIX centuries. I.P. Pnin's activities are considered primarily on the material of the "St. Petersburg Journal" he published (1798), which became a messenger of the time advanced ideas. The Holbach's main works were published on the Journal pages. However, the I.P. Pnin's own poetical creation was no less striking and indicative phenomenon in the Russian social thought history of that time, which is also of considerable interest. The paper emphasizes consonance of the I.P. Pnin's views on the reform projects of the intellectual elite, which were reflected in the legislative acts of Emperor Alexander I at the beginning of the XIX century.

Keywords: Enlightenment materialism, Paul-Henri Thiry, baron d'Holbach, I.P. Pnin, Emperor Alexander I, "St. Petersburg Journal", enlightenment

REFERENCES

- [1] Shelokhaev V.V., ed. *Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII — nachala XX veka* [Russian liberalism of the middle of the XVIII — beginning of the XX centuries]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 1084 p.
- [2] Pypin A.N. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I* [Social movement in Russia under Alexander I]. Saint-Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2001, 556 p.
- [3] Timofeev D.V. *Evropeyskie idei v Rossii: vospriyatie liberalizma pravitelstvennoy elitoy v pervoy chetverti XIX veka* [European ideas in Russia: perception of liberalism by the government elite in the first quarter of the XIX century]. Chelyabinsk, PIRS Publ., 2006, 200 p.
- [4] Zakharov V.Yu. *Rossiyskiy i zarubezhnyi konstitutsionalizm kontsa XVIII — pervoy chetverti XIX vv.: opyt sravnitelno-istoricheskogo analiza* [Russian and foreign constitutionalism of the late XVIII — first quarter of the XIX centuries: experience of comparative historical analysis]. In 2 parts. Part 2. Moscow, Prometey Publ., 2017, 646 p.
- [5] Grech N.I. *Zapiski o moey zhizni* [Notes of my life]. Moscow, Zakharov Publ., 2002, 464 p.
- [6] Trotskiy I.M. *Semya Bestuzhevykh (Opyt ideologicheskoy kharakteristiki)* [The Bestuzhev family (An experience of ideological characterization)]. *Vospominaniya Bestuzhevykh* [Bestuzhevs' memoirs]. Moscow, Vsesoyuznogo Obschestva Politkatorzhan i Ssylno-poselentsev Publ., 1931, pp. 7–38.
- [7] Safonov M.M. *Problema reform v pravitelstvennoy politike na rubezhe XVIII i XIX vekov* [The problem of reforms in government policy at the turn of the XVIII and XIX centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 249 p.

- [8] Shilder N.K. *Imperator Aleksandr I: Ego zhizn i tsarstvovanie* [Emperor Alexander I: His life and reign]. In 4 vols. Vol. 1. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1904, 436 p.
- [9] Orlov V.N. *Russkie prosvetiteli 1790–1800-kh godov* [Russian enlighteners of the 1790–1800s]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1950, 477 p.
- [10] Pnin I.P. *Sochineniya* [Collection of works]. Moscow, Vsesoyuznogo Obschestva Politkatorzhan i Ssylno-poselentsev Publ., 1934, 312 p.
- [11] Dlugach T.B. Zdravyi smysl kak filosofskaya ideya frantsuzskikh prosvetiteley [Common Sense as a Philosophical Idea of the French Enlightenment]. *Filosofskie nauki — Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2015, no. 9, pp. 127–140.
- [12] Golbakh P.-A. T. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Sotsialno-ekonomicheskoy Literaturny Publ., 1963, 715 p.
- [13] Plekhanov G.V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. In 5 vol. Vol. 2. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956, 824 p.
- [14] Proshenie [I.P. Pnina] v Glavnoe uchilishch Pravenie. B.d. [Petition from Yu.P. Pnin to the Main School Board. B.d.]. *Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historic Archive], f. 733 (Departament narodnogo Prosveshcheniya) [Department of Public Education], op. 118, d. 50, 8 p.
- [15] Ivanova A.A. Kategoriya «dvizhimoy sobstvennosti» krepostnykh krestyan v sotsialnoy programme I.P. Pnina [The category of serfs' "movable property" in I. Pnin's social program]. *Vestnik MGOU. Ser.: Istoriya i politicheskie nauki — Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 2, pp. 97–105.
- [16] O neprinimanii dlya pechataniya v vedomostyakh obyavleniy o prodazhe lyudey bez zemli, 28 maya 1801 g. [On non-acceptance for printing in gazettes of advertisements for the sale of people without land, May 28, 1801]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Sobranie I]* [Complete collection of laws of the Russian Empire [Collection I]]. In XLV vols. Vol. XXVI. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830, no. 19892. p. 662.
- [17] Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie dlya poselyan Lifyandskoy Gubernii i Instruksii Revizionnym Komissiyam dlya opredeleniya ikh povinnostey, 20 fevralya 1804 g. [The highest approved Regulations for the villagers of the Livonia Province and Instructions to the Audit Commissions for determining their duties, February 20, 1804]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Sobranie I]* [Complete collection of laws of the Russian Empire [Collection I]]. In XLV vols. Vol. XXVIII. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830, no. 21162, pp. 100–137.
- [18] O predostavlenii kupechestvu, meshchanstvu i kazennym poselyanam priobretat' pokupkoyu zemli, 12 dekabrya 1801 g. [On granting merchants, philistines and state-owned villagers the right to acquire land by purchase, December 12, 1801]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Sobranie I]* [Complete collection of laws of the Russian Empire [Collection I]]. In XLV vols. Vol. XXVI. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830, no. 20075, pp. 862–863.
- [19] Ob otpuske pomeshchikom krestyan svoikh na volyu po zaklyuchenii usloviy na oboyudnom soglasii osnovannykh, 20 fevralya 1803 g. [On the release of his peasants by the landowner upon the conclusion of conditions based on mutual consent, February 20, 1803]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Sobranie I]* [Complete collection of laws of the Russian Empire [Collection I]]. In XLV vol. Vol. XXVII. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830, no. 20620, pp. 462–463. .
- [20] Golbakh P.-A.T. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. In 2 vol. Vol. 2. Moscow, Sotsialno-ekonomicheskoy Literaturny Publ., 1963, 563 p.

- [21] Ivanova A.A. “Opyt o prosveshchenii otnositelno k Rossii” I.P. Pnina v epitsentre stolknoveniy vlasti i obshchestva na zare XIX stoletiya [I.P. Pnin's work “An Essay on Enlightenment with reference to Russia” as the epicenter of confrontation between government and society at the dawn of the XIX century]. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kultura, smysly — Locus: People, Society, Cultures, Meaning*, 2019, no. 3, pp. 28–37.

Maslova A.A., Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: maslova_aa@bmstu.ru

Smirnov D.V., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: dsmirnov@bmstu.ru